

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-107-114

ДИСКУРСЫ ЗАБВЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ИНДОНЕЗИЯ И ЯПОНИЯ

Марина Гласер

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)
Дипломатическая академия МИД РФ*

Николай Новик

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Никита Бондаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Аннотация

Рассмотрены тактики забвения как стратегического инструмента исторической политики государств. Они эксплицированы на эмпирическом материале двух стран Восточной Азии – Индонезии и Японии. В случае Индонезии феномен забвения особенно сильно проявляется в отношении исторической памяти о массовом насилии против политических соперников правящего режима и этнических меньшинств в 1960–1980-х гг. А в случае Японии феномен забвения был изучен в стратегии исторической политики премьер-министра Синдзо Абэ в двусторонних отношениях Японии и Республики Корея. Чтобы выявить специфику подхода стран Восточной Азии к реализации своей политики памяти была использована типология различных тактик забвения, предложенная английским социологом Полом Коннертоном. Были определены тактики забвения Японии и Индонезии, сходства и различия подходов Японии и Индонезии к ним. В данном исследовании обнаружено, что странам Восточной Азии сложно найти взаимопонимание в проблемах интерпретации прошлого своих стран. Возможность достичь взаимных договоренностей в среднесрочной перспективе не просматривается, что может привести к увеличению риска появления новых угроз стабильности и безопасности восточно-азиатского региона.

Ключевые слова: политика памяти; Восточная Азия; политическая культура; Индонезия; Япония; АСЕАН.

Введение

Историческая политика или политика памяти во все времена была важным стратегическим инструментом международных отношений – одновременно и полем достижения компромиссов, и точкой начала конфликтов. «Память и история – величины времени, как внутреннего, так и внешнего. Память элементарна и универсальна, именно она является наиболее важным механизмом, конституирующим историю через ментальные процедуры соединения прошлого, настоящего и будущего, так, чтобы сформировался связный континуум этих темпоральных паттернов» (Кукарцева, 2012: 165). Конкретное отношение к прошлому и способ(ы) его существования в истории удобны для использования властью, которая всегда неоднородна. В ней существуют различные, часто противоборствующие группировки. Лидеры этих политических фракций и групп интересов устанавливают свою стратегию исторической политики. К прошлому часто обращаются популисты для обоснования своих политических претензий. В популистских стратегиях прошлое представляется «героическим» для легитимизации определенной политической идентичности в настоящем; «позорным», для того, чтобы «извлечь ненужное» из настоящего; «жертвенным», чтобы «исправить» его в интересах обретения справедливости в настоящем. Манипулируя прошлым, популисты пересматривают границы между политическим и неполитическим, обращая внимание на вопросы «борьбы за признание» (Honnet, 1994) и справедливости. «Здравый смысл» и свидетельства исторического опыта, а не «элитные» экс-

пертные знания должны, по их мнению, быть маяками, ведущими нацию через настоящее к светлому будущему.

Среди наиболее иллюстративных кейсов в этом ряду – агрессивная историческая политика Польши в XXI в. Её цель – виктимизация, дистанцирование от прошлого, прямо или косвенно ассоциируемого с СССР и Россией. Другой пример – осторожная политика памяти Германии, опутанная сложными коннотациями в негативизм диктаторских режимов и вины нации за их преступления. В этой связи Юрген Хабермас (1993) считает, что непрерывность исторической традиции, в которой воплощается коллективная память и которая является важной составляющей национальной идентичности, не должна состоять лишь из славных побед и успехов. Консолидирующие народ традиции также могут родиться и из оплакивания страданий жертв прошлого. При этом важно соблюдать меру и найти оптимальный этический идеал: сострадание жертвам не должно превращаться в рутину. Смена поколений и новые вызовы современности развивают политику памяти и наполняют её новыми смыслами и акцентами. Последние могут привести и к актуализации неоднозначного темного прошлого. Например, интерпретации некоторыми немецкими политиками мемориала памяти жертв Холокоста в Берлине, как «памятника позору» немецкой нации, которая настолько не любит себя, что в своей столице совершает акт мазохизма¹.

На историческую память может быть наложен запрет, добровольный или принудительный. Например, в постфранкистской Испании негласный пакт забвения прошлого требовал избегать любых интеллектуальных или политических операций с коллективной памятью о событиях Гражданской войны. Политика «амнезии» привела испанцев к индифферентному отношению к прошлому в публичной сфере, что, тем не менее, разобщает испанское общество и препятствует формированию национального консенсуса. (Хенкин, 2019).

Свои подходы к политике памяти существуют и в Восточной Азии, под которой мы будем понимать группу стран, состоящую из Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Китая, Японии и Южной Кореи. Во-первых, уникальность этих подходов сформирована наследием Второй мировой войны и конфликтов, которые произошли в регионе после её окончания – Корейская война, длительные войны в Индокитае с участием США, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Китая. Во-вторых, особенности восточно-азиатской исторической политики продиктованы разнообразием религий – буддизм (Таиланд, Камбоджа, Вьетнам и др.), ислам (Индонезия, Малайзия, Бруней и др.), христианство (Филиппины и др.), синто-буддийский синкретизм (Япония), конфуцианство (Китай, Корея, Япония). Проблемы формирования религиозного диалога часто приводили и приводят к драматическим событиям. Идеологические противостояния, серьезное экономическое неравенство и проблемы в отношениях этнических меньшинств существуют во внутренних районах Китая, на Окинаве в Японии, в Минданао на Филиппинах, в индонезийском Ачехе и на юге Таиланда. Всё это очень чувствительные вопросы в их национальных политических контекстах. Поэтому политические элиты в Восточной Азии находят платформу для формирования безопасности в регионе в философии компромиссов, в основе которых – забвение прошлого, однако, понимаемое местными элитами чрезвычайно по-разному.

Ключевой исследовательский вопрос: в какой мере тактики забвения в реализации политики памяти востребованы в странах Восточной Азии. Эмпирическим материалом выступают два кейса, иллюстрирующие обозначенную проблему в двух малоисследованных и одновременно парадигматических случаях – Япония и Индонезия.

Тактики забвения прошлого

Пол Коннертон (2008) описал семь возможных тактик забвения в исторической политике: репрессивное стирание; предписывающее забвение, которое ускоряется действиями государства, может отвечать интересам всех сторон и поэтому признаётся публично; забвение как основание новой идентичности; структурная амнезия; забвение как аннулирование прошлого; забвение как запланированное устаревание; забвение как «оскорбленная тишина». В основе всех этих тактик лежит принцип молчания. Оно может быть политической игрой, когда выгоды, извлеченные из требования запретов на воспроизводство истины о прошлом, конвертируются в политические дивиденды определенных политических сил. Оно может быть и проявлением свободной воли, превращаясь в «глубокое осознание и понимание сложившейся постконфликтной ситуации. Молчание – это сложная политика, не

¹ Партия Меркель проиграла выборы радикалам в бывшей ГДР, *BBC News Русская служба*. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50207621> (дата обращения: 27.08.2020).

имеющая никакого отношения к простому вынужденному согласию с властью» (Dwyer, 2009). Молчание, таким образом, есть возможность помнить и забывать одновременно. Какую тактику забвения выбрать конкретному государству, зависит от политической среды региона, характера произошедших там событий, политической культуры страны и целого ряда других обстоятельств.

Специфика дискурса забвения в исторической политике Индонезии

В 1965–1966 гг. население Индонезии (преимущественно Бали) подверглось жестоким пыткам, а затем убийствам в результате обвинения властями в коммунистической деятельности. Один год геноцида унес жизни около миллиона людей – предполагаемых коммунистов, профсоюзных деятелей, этнических китайцев и членов их семей; привел к лишению основных гражданских прав более 100 тыс. индонезийцев. (Cribb, 1990). Эти убийства остались безнаказанными, а виновные, оставаясь влиятельными людьми, до сих пор находят поддержку политиков, баллотируются в парламент и состоят в проправительственных общественных организациях. Случаи массового насилия во всем мире всегда были осуждаемы мировым сообществом и занесены в список «вопиющей человеческой жестокости»: Камбоджа, Аргентина, Гватемала, Босния, Руанда, Судан. Однако геноцид в Индонезии в 1965–1966 гг., «выпал» из поля зрения не только мировой общественности и экспертов, но и из жизни самих балийцев. В индонезийских учебниках по истории, научных работах, заявлениях и выступлениях государственных должностных лиц Индонезии, публикациях СМИ нет ни одного упоминания о произошедшем полвека назад событии. Отчасти это объясняется тем, что массовые убийства в Индонезии в 1965–1966 гг. формально не соответствуют юридическому определению геноцида, которое содержится в «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»¹. Это определение не включает в себя целенаправленное насилие против социальных или политических групп. Но тогда массовые убийства в Индонезии можно без преувеличения называть «политицидом».

Подобное беспрецедентное массовое молчание можно расценить, во-первых, как особую форму сопротивления насилию, во-вторых, как коллективное решение нации двигаться дальше, не «застревая» в травме, в-третьих, как проявление жесткой стратегии репрессий. Особенность индонезийского кейса заключается в том, что в нём совпали все три указанных элемента.

Во многом молчание стало специфическим выражением эмоций, особым типом общения, передачей знаний вне речи. Люди молчали не потому, что им нечего сказать, а потому, что своим молчанием они, как им казалось, возрождали страну заново. В январе 2011 г. вышла книга под названием *Memecah Pembisuan: Tuturan Penyintas Tragedi '65 -66* («Нарушая тишину: выжившие после трагедии 65–66 гг.»), опубликованная в Джакарте. В ней было собраны свидетельства пятнадцати человек о том, что происходило в те времена и почему они выбрали тактику молчания в отношении прошлого. Практически каждый из них говорил о том, что молчание, среди других соображений, стало их особым выражением заботы о будущем. Люди исходили из того, что в этом конфликте было невозможно мыслить категориями «мы против них», «добро против зла», «правильное против ложного», «жертвы против угнетателей». Эти бинарные конструкции предполагают подход «win-lose» в его решении. Категории «добра» и «зла» уже сами по себе являются насилием, предполагают наличие конфронтации и закрывают путь для мира, с ними мораль располагается в пространстве «чёрного» и «белого» без возможности появления «серого». В этом проявилась стратегия забвения как «оскорбленной тишины» – возможность сохранить себя как единицу коллективной идентичности. При этом также очевидно, что «свидетельство даёт далёкое от адекватного понимание того, что случилось. Рассматриваемые события были глубоко травматичными и часто происходили в обстоятельствах, когда точное наблюдение было невозможно. Кроме того, многие из свидетельств были собраны спустя десятилетия после описываемых событий. Таким образом, было достаточно времени, чтобы воспоминания исчезли или трансформировались в ходе их переосмысления и пересказа. Хорошо известно, что даже с показаниями, собранными сразу же после событий, нужно обращаться с большой осторожностью» (Мегилл, 2007: 30)

Когда в Индонезии в 1967 г. пришел к власти Сухарто, он, опираясь на сформировавшийся коллективный дискурс, построил «Новый Порядок», за которым была укрыта невысказанная правда об убийствах. Он её просто запретил. «Новый Порядок» стоял на этом молчании, как будто нарушить

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, *Официальный сайт ООН*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 27.08.2020).

тишину означало уже окончательно, раз и навсегда раздавить установившееся хрупкое равновесие нации, которая потеряла уверенность в себе. Только так, забывая прошлое, страна понемногу обрела коллективную солидарность. «Тишина культивируется не только как подавление речи, но и как средство контроля на всех уровнях общества. Молчание интерпретируется как благородное молчаливое согласие, ... важная площадка для политических и социальных реформ» (Shiraishi, 1995). Так, память переставала быть ценностью, а забвение стало основой формирования новой идентичности.

Однако непрерывная практика замалчивания ужасных событий в конце концов размывала все границы, отделяющие "преступников" от "жертв" и открыла дорогу новому насилию. Президент Сухарто оставил после себя гигантское наследие злодеяний. Это не только массовые убийства в 1965–1966 гг. и огромные сроки тюремного заключения для несогласных, но насилие и геноцид во время вторжения и оккупации Восточного Тимора, начавшегося в 1975 г. Это – спонсируемые государством массовые убийства в начале 1980-х гг., резня в Танджунг Приок в Джакарте в 1984 г., резня в Лампунге в 1989 г.; расстрел протестующих во время студенческих демонстраций в 1997 и 1998 гг.; продолжающиеся убийства, пытки и зверства в подавлении движений за независимость в провинциях Ачех и Папуа.

Молчание как выбор нации предопределило дальнейшее развитие государства, но его политическая цена стала очень высока. Замалчивание своей истории стало определяющим для Индонезии при позиционировании себя на международной арене. Немалую роль здесь сыграл и принцип гуманитарной безопасности как глобальной нормы: консенсус мирового сообщества в том, что любые проявления любых «цидов» – «гено», «демо», «поли», «эко» или какого-либо другого, будут иметь чрезвычайно негативные последствия для страны, допустившей их.

Тем временем, развитие туризма привело к коммерциализации острова. Бали стал ассоциироваться с весьма привлекательным местом отдыха, форпостом гармонии и душевного равновесия, местом древней культуры, пропитанной особым возвышенным духом. *Туризм стал инструментом государственного контроля населения.* Поэтому уже с экономической точки зрения для населения и власти Индонезии стало невыгодно обращать внимание на былое насилие и громко говорить о нём. Поэтому можно утверждать, что наиболее востребованной стратегией исторической политики стран Восточной Азии стало забвение, а ее основными тактиками – забвение как основание новой идентичности и забвение как «оскорбленная тишина».

Специфика дискурса забвения в исторической политике Японии

В Японии, как и в Индонезии, существует курс на замалчивание тёмных страниц прошлого. Ключевой причиной являются события Второй мировой войны, которые Япония хотела бы интерпретировать по-своему. В отличие от Индонезии в дискурсе исторической политики Японии востребованным стало *предписывающее забвение прошлого.*

Действующий премьер-министр Японии Абэ Синдзо имеет личный взгляд на участие своей страны во Второй мировой войне. Он выступает за пересмотр извинительной риторики и стремится окончательно закрыть проблемы исторического прошлого с соседними странами в свою пользу. Так, в 2010 г., ещё до своего второго вступления на пост премьера Абэ называл «глупостью» извинения за «травмы колониального угнетения», принесенные своим предшественником Наото Каном корейцам по случаю столетия подписания договора об объединении Кореи и Японии¹. Однако под давлением политических оппонентов и общественности ему пришлось сменить риторику на более мягкую. Тем не менее, С. Абэ хочет снять бремя извинений с будущих поколений японцев, о чём он сообщал в своей речи, посвящённой 75-летию окончания Второй мировой войны². Отношения Японии и Республики Корея являются достаточно иллюстративным примером использования премьер-министром Абэ стратегии предписывающего забвения. Нерешённые проблемы исторической политики в отношениях этих стран всегда были на острие их двусторонней внешней политики, но стали особенно весомыми с 1990-х гг., и это связано с несколькими причинами.

Во-первых, с военными преступлениями Японии времен Второй мировой войны на территории оккупированной Кореи. Более всего, резонанс вызывает проблема «станций для утешения», где женщины из Кореи, Китая, стран Юго-Восточной Азии были использованы японскими солдатами в

¹ Kan bids to give Japan new image, *The Japan Times*. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2010/08/12/national/kan-bids-to-give-japan-new-image/> (дата обращения: 27.08.2020).

² Заявление премьер-министра Абэ Синдзо 14.08.2015, *Официальный сайт премьер-министра Японии*. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/97_abe/discourse/20150814danwa.html (дата обращения: 27.08.2020).

качестве секс-рабынь. Проблема заключается в том, что полных официальных задокументированных сведений о жертвах военных преступлений японцев нет. Если, например, количество пострадавших от Холокоста или репрессий в СССР можно относительно точно восстановить по документам, то в Азии с такой точностью возникают сложности. Геноциды и военные преступления в Азии обычно не регистрируются государством, поэтому нет архивов и документов, по которым можно определять масштабы военных преступлений. Более того, колониальные архивы намеренно уничтожались после капитуляции Японии. Например, оценки количества женщин, пострадавших на японских «станциях утешения» достаточно сильно колеблются от 20 тыс. (японские оценки) до 410 т. (китайские оценки), а основным источником информации являются воспоминания самих свидетелей преступлений – бывших секс-рабынь. (Дьячков, 2019: 81). И здесь мы вновь, как и в случае с Индонезией, сталкиваемся с ненадежностью такого рода воспоминаний. С приходом к власти в 2017 г. в Республике Корея президента Мун Чжэина эта болезненная тема стала одной из центральных в дипломатическом и экономическом диалоге двух стран и вновь существенно обострила их отношения. Мун Чжэин стал критиковать непопулярный среди корейцев подход предыдущего президента Пак Кынхе к урегулированию исторических проблем с Японией. Он заявил о неприемлемости японо-корейского договора 2015 г. о «женщинах для утешения». Это вызвало недовольства японской стороны. Администрация Абэ считала этот договор окончательным решением исторических проблем с Кореей. Более того, корейский президент начал акцентировать внимание на проблеме принудительного труда в Корее во время Второй мировой войны для оказания дополнительного политического давления на Японию. (Дьячков, 2020: 114).

Во-вторых, торговая война между Японией и Республикой Корея, которая некоторыми исследователями характеризуется как сильнейшая конфронтация за последние десятилетия, тоже имеет историческую подоплеку. (Горячев и Горячева, 2019: 20). Осенью 2018 г. южнокорейский суд удовлетворил иск корейцев, принудительный труд которых был использован японцами во время Второй мировой войны, и постановил, что японской компании Nippon Steel & Sumitomo Metal необходимо выплатить компенсации родственникам пострадавших. В результате, часть имущества этой компании на территории Кореи была конфискована. В июне 2019 г. после отклонения апелляции японской стороны, правительство Республики Корея предложило Японии окончательно решить проблему принудительного труда времён Второй мировой войны. Япония ответила торговыми ограничениями для южнокорейской стороны, исключив её из «Белого списка» стран, для которых экспорт производится по упрощённой схеме. Вслед за этим последовали ноты протеста со стороны обеих стран и рост анти-японских настроений среди корейцев, присоединившихся к бойкоту товаров японского производства.

В-третьих, усилия сторон по урегулированию проблем исторического прошлого разбиваются и о территориальные конфликты. Так происходит, например, в официальных нарративах о принадлежности островов Лианкур. Де-юре и де-факто островами обладает Республика Корея, но Япония активно использует историческую политику, чтобы обосновать свой суверенитет над этими островами. Согласно японской версии, острова Такэсима (японский вариант названия островов Лианкур) не являлись частью оккупированной Кореи, а были частью префектуры Симанэ¹. Более того, эти острова не были обозначены в Сан-Францисском мирном договоре как территории, которые японцам было необходимо передать Корее². Данная позиция элитами и населением Южной Кореи воспринимается как возвращение Японии к имперским амбициям. (Севастьянов и Кравчук, 2017: 27). Поэтому Японии для сохранения своей международной идентичности как либеральной страны необходимо окончательно закрыть существующие исторические проблемы с Республикой Корея, но принять извинительную риторику современная политическая элита Японии во главе с премьер-министром Абэ Синдзо не может.

Заключение

В последние годы Восточная Азия переживает стремительный процесс глобализации, который вызывает в странах подъём национализма и популизма. Ситуацию осложняет и «поворот к Азии», предпринятый Вашингтоном и реакция на него КНР, с её претензиями на расширение зон

¹ Recognition of Takeshima, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/a_o/na/takeshima/page1we_000057.html (дата обращения: 27.08.2020).

² Treaty of Peace with Japan Signed at San Francisco on 8 September 1951, *United Nation Treaty Collection*. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (дата обращения: 27.08.2020).

влияния в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Это привело к возникновению спорных ситуаций касательно принадлежности исключительных экономических зон, природных ресурсов и территорий. Такие государства, как Бруней, Индонезия, Малайзия, Тайвань, Филиппины и Вьетнам предъявляют свои права на часть или полную акваторию Южно-Китайского моря. Каждая из сторон обозначила свои исключительные экономические зоны так, что они пересекаются в стратегически важных локациях. Согласно конвенции ООН по морскому праву, государство имеет право на исключительную экономическую зону в пределах 200 миль от береговой линии. Такие зоны зачастую включают в себя острова и скопление природных ресурсов. Самыми оспариваемыми территориями являются Парасельские острова, острова Спратли, риф Скарборо и архипелаг Натуна.

Огромное значение имеют и соображения национальной и региональной безопасности. Разделение Кореи, напряжённость в Тайваньском проливе являются исключительно опасной угрозой безопасности в регионе. Страны АСЕАН беспокоит то, что активнее всего присвоением островов в Южно-Китайской море занимается КНР, в частности, по данным организации Asia Maritime Transparency Initiative, это выражается в строительстве военного комплекса на таких частях спорных островов Спратли, как рифы Квартерон, Южный Джонсон, Суби, Мисчиф и Огненный крест. Особо нужно обратить внимание на военную инфраструктуру рифа Огненный Крест, где уже закончено строительство взлётно-посадочных полос, длина которых составляет 3 125 м, что обеспечивает посадку истребителей, а также есть информация о развёртывании на этих территориях радиолокационных систем¹.

Сложности всем эти обстоятельствам добавляет шлейф исторических обид и нерешённых проблем. Страны Восточной Азии не сумели достичь желаемой сплоченности в пределах границ региона и не всегда рационально реагируют на возникающие проблемы. Пример японо-южнокорейских отношений демонстрирует, что характерной чертой восточно-азиатской культуры переговоров о проблемах исторической памяти является иррациональность. Она заключается в том, что чем больше ведётся переговоров, посвящённых исторически сложившейся проблеме между странами, чем больше сближаются позиции стран по этой проблеме и чем больше страны готовы на компромисс, тем вероятнее провал во взаимных договорённостях. Готовность к компромиссу во внутриполитической среде многих стран Восточной Азии в конце концов воспринимается их политическими элитами как проявление собственной слабости, они становятся объектом критики как со стороны оппозиционных политических групп, так и со стороны собственного электората. Так, политические элиты становятся заложниками собственной непримиримой стратегии исторической политики, на самом деле призванной помочь им сплотить народ. Это ставит под сомнение реальность свойственного региону государственного патернализма и приверженности принципу невмешательства во внутренние дела других стран. Поэтому апелляция к особым конфигурациям политики памяти стала для стран Восточной Азии экзистенциальной необходимостью. В сложившейся ситуации тактики забвения становятся оптимальным выходом из ситуации, но реализуются они в разных версиях.

В двух исследованных кейсах как в капле воды отражены многие сложности исторической политики стран Восточной Азии. Для Индонезии тактики забвения в ее исторической политике выполняют роль примирения нации со своим прошлым, одобренного на основе её коллективного решения, но политическая элита использует сложившийся феномен как возможность показать международному сообществу наличие в стране свободы и либеральных ценностей. В клубке запутанных исторических проблем Индонезии, тактики забвения являются той ниткой, за которую можно потянуть и начать «разматывать клубок». Не все то, что может быть сказано, должно быть сказано, иначе нарастающее ощущение угрозы и критическая величина непонимания разрушит все каналы коммуникации между обществом и теми политиками, кто в состоянии предложить практические, пригодные для реализации шаги разрешения проблемы.

Для Японии тактика забвения в политике памяти нацелена на ревизионизм в отношении японского участия во Второй мировой войне, на более активное и агрессивное отстаивания своих международных интересов, например, в территориальных спорах. Такая позиция, занятая действующим премьер-министром Абэ, вызывает критику не только международного сообщества, но и внутриполитических кругов, обвиняющих его в использовании исторической политики в собственных целях. Здесь тактики забвения не уничтожают недоверие, а акцентируют его, порождая новые проблемы.

¹ A Constructive Year for Chinese Base Building, *Official website of Asia Maritime Transparency Initiative*. URL: <https://amti.csis.org/constructive-year-chinese-building/> (дата обращения: 27.08.2020).

Так рождается парадокс, который свойственен многим странам Восточной Азии в их исторической политике — для того, чтобы возникло доверие, нужна открытость, позитивная повестка дня, сформировать которую можно, только взяв скобки, «забыв» старые споры. Но чтобы открытость состоялась, нужно обсуждение проблем, которые без этого станут источником постоянной фрустрации.

Финансовая поддержка

Данная работа подготовлена и выполнена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году.

Библиографический список

- Дьячков, И. В. (2019) 'Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях', *Японские исследования*, 4, сс. 72–87. [Dyachkov, I. V. (2019) 'Collective memory and politics: "Comfort women" in current relations between South Korea and Japan' [Istoricheskaya pamyat' i politika: problema "zhenshchin dlya utesheniya" v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh], *Yaponskiye issledovaniya*, 4, pp. 72–87. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029.
- Горячев, Н. Н., Горячева, Е. А. (2019) 'Торговая война между Японией и Южной Кореей: конец альянса?', *У карты Тихого океана*, 3, сс. 20–22. [Goryachev, N. N., Goryacheva, E. A. (2019) 'Japan-South Korea Trade War: The End Of The Alliance?' [Torgovaya vojna mezhdru Yaponiej i Yuzhnoj Koreej: konec al'yansa?], *U karty Tihogo okeana*, 3, pp. 20–22. (In Russ.)].
- Дьячков, И. В. (2020) 'Проблема «комфортанток» в южнокорейско-японских отношениях вчера и сегодня', *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*, 7, сс. 113–123. [Dyachkov, I. V. (2020) 'Comfort Women' in Relations Between South Korea and Japan Then and Now' [Problema «komfortantok» v yuzhnokorejsko-yaponskikh otnosheniyah vchera i segodnya], *Vostochnaya Aziya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*, 7, pp. 113–123. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10012.
- Кукарцева, М. А. (2012) 'Время: хронополитика, нарратив и историческая память' в: Коршунова, О. Н. (ред.) *Историческая память и диалог культур*: в 3 т. Т. 1. Казань: Издательство КНИТУ, сс. 164–173. [Kukartseva, M. A. (2012) 'Time: chronopolitics, narrative and historical memory [Vremya: hronopolitika, narrativ i istoricheskaya pamyat'] in Korshunova, O. N. (eds.) *Historical memory and dialogue of cultures* in 3 volumes Vol. 1 [Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur v 3 t. T. 1]. Kazan: Izdatel'stvo KNITU, pp. 164–173. (In Russ.)].
- Мегилл, А. (2007) *Историческая эпистемология*. Москва: Канон. [Megill, A. (2007) *Historical epistemology* [Istoricheskaya epistemologiya]. Moscow: Kanon. (In Russ.)].
- Севастьянов, С. В., Кравчук, А. А. (2017) 'Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения', *Известия Восточного института*, 4, сс. 25–34. [Sevast'yanov, S. V., Kravchuk, A. A. (2017) 'Territorial dispute between Japan and the Republic of Korea: arguments of the parties and perspectives of resolution' [Territorial'nyj spor mezhdru Yaponiej i Respublikoj Koreya: argumenty storon i perspektivy razresheniya], *Izvestiya Vostochnogo institute*, 4, pp. 25–34. (In Russ.)]. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/25-34.
- Хенкин, С. М. (2019) 'Испания: полемика вокруг исторической памяти', *Контуры глобальных трансформаций*, 4, сс. 72–87. [Khenkin, S. M. (2019) 'Spain: Controversy around Historical Memory' [Ispaniya: polemika vokrug istoricheskoy pamyati], *Kontury global'nyh transformacij*, 4, pp. 72–87. (in Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87.
- Connerton, P. (2008) 'Seven Types of Forgetting', *Memory Studies*, 1(1), pp. 59–71, DOI: 10.1177/1750698007083889.
- Cribb, R. (eds.) (1990) *The Indonesian Killings of 1965-1966: Studies from Java and Bali*. Clayton: Monash University Centre of Southeast Asian Studies.
- Dwyer, L. (2009) 'A Politics of Silences: Violence, Memory, and Treacherous Speech in Post-1965 Bali' in: Hinton, A. L. and

- O'Neill, K. L. (eds.) *Genocide: Truth, Memory, and Representation*. Durham: Duke University Press, pp. 113–146.
- Habermas, J. A. (1993) 'Kind of Settlement of Damages: On Apologetic Tendencies in German History Writing' in: Piper, E. (eds.) *Forever in the Shadow of Hitler?* Atlantic Highlands: Humanities Press, pp. 34–45.
- Honneth, A. (1994) *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994.
- Shiraishi, S. S. (1995) 'Children's Stories and the State in New Order Indonesia' in: Stephens, S. (eds.) *Children and the Politics of Culture*. Princeton: Princeton University Press.

Информация об авторах

Гласер Марина Алексеевна – д.ф.н., профессор НИУ ВШЭ (г. Москва), Дипломатической Академии МИД РФ. E-mail: mkukartseva@gmail.com (ORCID: 0000-0002-7069-4779. ResearcherID: N-1822-2017).

Новик Николай Николаевич – к.э.н., научный сотрудник НИУ ВШЭ (г. Москва). E-mail: nnovik@hse.ru (ORCID: 0000-0002-9373-5246. ResearcherID: AAP-7114-2020).

Бондаренко Никита Александрович – аспирант школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям НИУ ВШЭ (г. Москва). E-mail: nbondarenko4@gmail.com (ORCID: 0000-0002-9197-9159).

Статья принята к печати: 30.10.2020

DISCOURSES OF FORGETTING IN POLITICS OF MEMORY IN SOUTHEAST ASIA: INDONESIA AND JAPAN

M. A. Glaser

*National Research University Higher School of Economics (Moscow)
The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

N. N. Novik

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

N. A. Bondarenko

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Abstract

The article examines the tactics of forgetting as a strategic instrument of the politics of memory of East Asian countries. These types of forgetting are explicated in cases of Indonesia and Japan. In the case of Indonesia, the phenomenon of forgetting is manifested in the historical memory of the violence against the political rivals of the ruling regime and ethnic minorities in the 1960s and 1980s. In the case of Japan, the phenomenon of forgetting was studied in the politics of memory of Prime Minister Shinzo Abe in Japan — South Korea bilateral relations. To reveal the specifics of the approach of East Asian countries to the implementation of their politics of memory, the typology of forgetting proposed by the English sociologist Paul Connerton was used. The authors demonstrated specific features of the East Asian approach to the politics of memory. This research revealed similarities and differences between Japanese and Indonesian approaches to forgetting. Analysis of these cases helped to identify difficulties of East Asian countries to find mutual understanding in issues of interpretation of their historical past. The possibility of reaching mutual agreements in the medium-term agenda is not visible.

Keywords: politics of memory; South-East Asia; political culture; Indonesia; Japan; ASEAN.